

ЧУВСТВО, С КОТОРЫМ НЕ ШУТЯТ

Вначале хотелось назвать эти заметки «По следам «Воздушных фрегатов» или что-то в этом роде. Но сейчас, когда сел за чистый лист бумаги, понял, что это будет еще не само путешествие, а лишь сборы в дорогу. Сборы, а также приглашение отправляться в другие, любящим и Леониду Мартынову, и вообще литературное и культурное прошлое нашего города.

Мне уже приходилось писать об этой удивительной книге, а также об ее продолжении — вышедших недавно «Чертах сходства». В последней рецензии, в частности, подчеркивалось, что Мартынов активно не желает предавать забвению ни одного писательского имени, каким бы скромным оно ни было, все нужно, все пригодится, если не будущим историкам литературы, то просто любознательным читателям.

Вот я и хочу попытаться перелистать «Фрегаты» не просто как книгу прекрасной прозы, а как некую маршрутную карту будущего путешествия по белым пятнам литературной истории.

Но стоп! Прежде всего нет ли белых пятен в исследовании творчества самого Мартынова? Да сколько угодно! Во «Фрегатах» новелла «Повесть об Александре Гинче» рассказывает об истории одного из псевдонимов поэта. Он пишет, что «подписал этим (т. е. А. Гинч — А. Л.) псевдонимом множество заметок, фельетонов и даже стихов». Нет ли среди них таких, которые сохранили свое художественное значение и до сей день? Уверен, что ни о ком пока не услышу ответа на данный вопрос. А ведь у «омского» Мартынова псевдонимов было много, вот только те, которые известны мне: З.

Жуков, Эльм, Атик Тюрго, Л. Н. Какие еще? Все ли прочитано и оценено исследованиями из того, что напечатано под псевдонимами уже раскрытыми? Вопросы хочется задавать и задавать...

Думаю, что лучшим ответом на них была бы объемистая книга, которая называлась бы, допустим, «Омский Мартынов». Книга, где были бы не только стихи, но и проза, но и журналистские работы, рисунки и фотографии, воспоминания со временников, как можно более полная библиография. И все это в сопровождении подробных научных комментариев.

О воспоминаниях. Считаю совершенно необходимым сейчас же, немедленно записать их у тех людей, которые знали Мартынова в 20-х, 30-х и 40-х годах. А вот мелькнуло в новелле «Круглая звезда Айналайн» имя: Ваня Коровкин из села Больше - Могильное. Фольклорист и краевед Иван Семенович Коровкин (1919—1977 г.) несколько раз печатал в омских газетах воспоминания о поэте. Знаю, что безжалостная газетная площадь часто сжимает именно такие материалы. Надо поэтому взглянуть в личный фонд Коровкина (он в госархиве) — нет ли там их полного текста?

Не могу спокойно читать новеллу «Зеркалщик» — то место, где описывается коллективный сборник «Футуристы», выпущенный в 1921 году на путешествовавшем по Иртышу агитплато роходе другом поэта — художником В. Уфимцевым. Здесь, на страницах этого уникального издания, — все окруже-

ние молодого Мартынова, его друзья: композитор Виссарион Шебалин, поэты Борис Жезлов, Сергей Орлов, Н. Семенов, Николай Калмыков, художники В. Шабли и Ник. Мамонтов... Наконец, здесь же и сам Мартынов: его портрет работы Уфимцева, два стихотворения: знаменитое «Мы футуристы невольные...» и больше нигде не перепечатывавшееся «Зацелованный футурист...»

Нужна хорошая, подробная, объективная статья об этой уникальной книжке, тираж которой неизвестен, — может быть, 100, может, 50, а то и еще меньше экземпляров. Статья эта сможет наглядно (особенно, если воспроизвести иллюстрации) показать многочисленным любителям поэзии нашего земляка, в каких творческих условиях формировался его неповторимый талант.

Не утерплю, скажу о «Червонной тройке», вернее о том, что не так давно я присутствовал при разборке в фондах Омского исторического и литературного музея большого количества работ (целая выставка может получиться!), многие из которых подписаны: Б. Шабли, В. Уфимцев и (особенно много) Ник. Мамонтов. Я не искусствовед, но, на мой любительский взгляд, многое интересно, некоторые вещи просто останавливают. Несколько работ были взяты для экспозиции Литературного музея, остальное пока лежит неизученным.

Все это достойно изучения и осмысления, ведь эти люди и есть ближайшее окружение молодого поэта.

Уверен, что многие из че-

тавших «Фрегаты» и «Черты сходства» заметили, что есть среди многочисленных героев этих книг еще один. Незаметный, но упоминаемый автором хоть двумя словами, хоть вскользь, но постоянно и настойчиво. В «Чертах сходства» этому человеку посвящается целая новелла — «Явление пяти Ундервуд». Это Нина, Ниночка, это Нина Анатольевна — верный спутник долгой и нелегкой жизни поэта. Человек, помогавший перенести ему и бытовые невзгоды, и невнятные разносы критики, и бремя славы, и тяжесть каждодневного, постоянного труда.

Я, читатель и почитатель Мартынова, не знаю о ней почти ничего, а знать хочу, т. к., зная это, узнаю лучше и самого его. Нужен очерк, написанный тонко и тактично.

Следующее. Будь я ученым-литературоведом, специализирующимся «по Достоевскому», я обязательно написал бы статью «Мартынов и Достоевский»: уж больно часто встречается имя гениального писателя на страницах «Фрегатов». А вот новелла «Мокринский форштадт». Здесь — дерзкое поэтическое предположение о том, что не Старая Русса и не село Мокрое под этим городком стали географическими прототипами мест, где происходит действие «Братьев Карамазовых», а...

Впрочем, зачем пересказывать прозу, позволю себе процитировать стихи, лучше их не скажешь:

..Был в старом Омске
Мокринский форштадт,
То Мокрое на глинистых
откосах,

Где изгибался Волчий хвост,
хвостат,
Воздвиг погрязший
в кляузах, в доносах
Скотопригоньевск
быкомордых стад —
То Мокрое, как слезы в горле
комом,
За старой крепостью,
за Мертвым домом,
Знал Достоевский, виделось
ему
Оно в сердечках ветлих
ставен... Кстати,
Я сам бывал на Мокринском
форштадте
И досконально знаю, что

к чему!
Кстати! Я знаю, что спорят: какую омскую улицу назвать именем поэта. Да какую же, как не одну из тех, что составляют бывший Мокринский форштадт! Это в районе Сенной и Газетного переулка, хотя название самого переулка трогать — уверен — не стоит, ибо он назван по имени редакций газет, в которых Мартынов работал. — «Советская Сибирь» и «Рабочий путь». А рядом (читайте новеллу «Мокринский форштадт») позже разместилось и Омское книжное издательство, выпустившее девять его книг.

И раз уж заговорил я об этом, т. е. об увековечении в Омске памяти одного из выдающихся поэтов советской эпохи, то надо сказать и о доме Вальса. Доме, воспометом в известном стихотворении, так и называемом «Дом Вальса». О нем же, этом двухэтажном доме, принадлежавшем выходцу из Эстонии некоему Вальсу, немало сказано и во «Фрегатах». Рядом находился домик, где жила семья Мартыновых и

где впоследствии было написано множество известных стихов и поэм (ул. Красных зорь, 30), и поэтому мальчик любил забираться на чердак соседнего большого дома Вальса, любил оттуда рассматривать окрестные улицы, слушать доносящиеся с них разнообразные звуки. Комплекс «Дом Вальса — дом Мартыновых» видится мне идеальным для размещения музея нашего знаменитого земляка. В домике Мартыновых — мемориальная часть музея. Точно воссоздана обстановка квартиры семьи. В принципе такое воссоздание возможно: омичка Нина Дмитриевна Пашкевич (долголетний друг семьи) составила точный план квартиры с указанием расположения мебели. В других комнатах можно повести музейный рассказ о людях, здесь бывавших. А кто только тут не бывал — вся сибирская литература!

А в соседний «дом Вальса» так и просится литературная экспозиция, где будет показываться последующее творчество поэта: московский период его жизни оригинальные сборники, переводы, поездки, признание Государственных премий РСФСР и СССР, зарубежные издания, увлечения, общественная деятельность, воспоминания учеников, литературные связи; здесь же хватит места и под лекционный зал, литературную гостиную для камерных встреч, библиотеку, административные помещения...

«Забвение — чувство, с которым не шутят», — учит он в «Чертах сходства». Так давайте же будем вдумчивыми учениками прежде всего по отношению к самому автору этих слов.

А. ЛЕЙФЕР.